

Открытое письмо „вольным казакам из Праги“.

В журнале „КК“ (№ 9) вы изволили напечатать нечто не совсем понятное. Очевидной целью этого писания является во что бы то ни стало дискредитировать руководителей В. К., а через это — и самую идею о казачьей государственной независимости. Средством для этого являются разные „сильные“ выражения, неприличествующие серьезному печатному органу, а более подходящие для заборной литературы, а также всевозможные измышления. Но, рассказав кучу „страшных“ вещей, вы сами, как будто, устыдились своего „творчества“ и благоразумно скрылись за подписью „вольные казаки из Праги“. Ищи ветра в поле!

Между прочим, в этом вашем „творении“ затрагивается и мое имя. Оставляя на вашей совести ваше утверждение о моей „чисто азиатской вероломности“, я тут же хочу уличить вас в бескрайней лжи. Вы смелете утверждать, что я „подвел и калмыков — вольных казаков, захватив их средства и передавшись под Билого“.

Заявляю, что в се калмыки — вольные казаки объединены в калмыцкой национальной организации „ХТТ“, а я до сегодняшнего дня являюсь руководителем этой организации и пользуюсь ее безусловным доверием. Следовательно, подводить свою организацию, захватывать ее средства и одновременно стоять во главе ее и пользоваться ее доверием я никак не мог. Больше того: к нашему сожалению, организация наша не имела и не имеет никаких средств, коих я мог бы „захватить“. Единственным источником материальных средств „ХТТ“ являются членские взносы и незначительное добровольное пожертвование отдельных ее членов, на каковые средства издается и печатный орган нашей организации „Ковыльные Волны“, о чем каждый раз дается публичный отчет.

Таким образом, как видите, ваше утверждение является чистой водой ложью. И все ваши дальнейшие утверждения такого же свойства.

Тут же хочу обратить ваше „вольных казаков из Праги“, внимание на то, что вы в своих выступлениях против нынешнего центра ВК оперируете „фактами“ из того печального периода в жизни ВК, когда все вы, играя в ней активную роль, создавали такую обстановку, что не проходило и месяца без „очередного кризиса“. Если вы честные люди, то должны признать, что при вашем со-руководительстве в ВК начался „кризис“ уже через шесть месяцев, как оно возникло, и при вашем же деятельном участии, вернее, благодаря вам, „кризисы“ эти продолжались полтора года, до конца 1929 года. А с этого момента, когда вас „ушли“ и вплоть до настоящего времени ВК — плохо-ли, хорошо-ли, но работает без всяких „кризисов“ и угрозы „разоблачения“, без перебоя успешно распространяя вольноказачью идею, тогда как вы все это время, почти три года, успешно бездельничаете и без успеха пытаетесь „смазать“ вольноказачье движение.

Один этот голый и очевидный факт должен бы был вас удержать от напрасной попытки свалить вину „с большой головы на здоровую“, если в вас еще сохранилась хоть крупинка вольноказачьего убеждения.

Не пытайтесь оправдать свое безделье тем, что и Балинов, мол, в свое время расходился по некоторым вопросам с Билым, спорил с ним, соглашался с нами. Этого я ни от кого не скрывал. Да, в 1929 году я расходился по некоторым вопросам с Билым, спорил с ним. Было время, когда я, введенный в заблуждение вашими громкими титулами, кажущейся идейностью, питал надежду, что вы все вместе сумеете более успешно повести дело ВК. Но когда я на практике узнал ваше некрасивое нутро под пышной внешностью, я понял свою ошибку. Да, Билый человек и как человек имеет, конечно, недостатки, но при сравнении с вами он выгодно отличается, ибо вы, так безжалостно „критикующие“ его, оказались во много крат хуже. Да, с Билым я спорил. Больше того: я не исключаю возможности спора и в будущем. Но это не значит, что я должен бегать по враждебным ВК журналам и писать в них пасквили на Билого.

Самое главное, я — не „солист-летун“, а ответственный член своей калмыцкой национально-политической организации. И как таковой в политических вопросах поступаю и действую согласно решениям своей организации, а не по своему личному капризу.

Сейчас не хочу писать по существу всего вашего „писания“. Если желаете вызвать на честную полемику, предлагаю вам назвать самих себя, чтобы я знал, с кем имею дело, — не будьте подленькими шептунами из-за кулис. С своей стороны обещаю спокойный и обстоятельный ответ, если только в числе „вольных казаков из Праги“ окажется хоть одно-два лица, к которым, несмотря на все наши расхождения, я сохранил некоторую долю уважения. Но, конечно, я ничего не отвечу, если под подписью „вольные казаки“ скрывается, как я подозреваю, всего одно, мне известное, лицо, своей персоной изображающее одновременно несколько организаций, „обремененное“ десятками громких титулов, обращающееся с почтительной просьбой о помощи ко всем врагам ВК. Если это пишет „оно“, то, само собой разумеется, отвечать не буду. Не стоит. Тогда оправданием молчаливого игнорирования его Вольным Казачеством явится калмыцкая народная поговорка: „от собачьего языка не осквернится океан“.

Примите уверение и проч. **Шамба Балинов.**

Р. С. Письмо это пишу с опозданием, так как „КК“ мне удалось прочитать только 13 сего октября, а до этого я, естественно, не подозревал существования пасквиля, исходящего от „вольных казаков из Праги“.

Ш. Б.

14 октября, 1932. Париж.

Маленькое воспоминание.

Посвящается станичникам булавинам

Маленький, незаметный, будничный факт: в 1925 году, октября 5 дня, при Донском кадетском корпусе открылась первая ученическая казачья станица имени атамана Кондратия Булавина. Сколько надежд, сколько чаяний. Помню я тихий осенний вечер, в который открывалась станица в гор. Билеча, первых 10 человек собравшихся, выбор правления, ужин. На ужине — глухие, взволнованные речи, в которых понятно только: „Вверх! К солнцу! К воле!“

Ядро заложено. Мало-по-малу станица ширится, крепнет, захватывает новых членов своей такой простой, но весте с тем такой понятной идеей, и отвечает, по мере сил, многим вопросам, волнующим молодые казачьи

головы. Помню программу, устав; нужно ль его приводить здесь? „Все для Казачества, за его свободу, за волю своих земель, за правду“...

Казалось — (и это действительно — так) — нет ничего выше, нет полнее!

Трудно приходилось станице. Многих нужно было опасаться от многих скрыть. Тщательный подбор членов станицы создал небольшую, но крепко спаянную домашнюю организацию. „Все за одного, один — за всех“...

Выпущен был в первый год существования станицы небольшой журнал „Казачья Вольность“; скромный, не претендующий на громкое название „литературно-политический“, несколько сумбурный в своем содержа-